

Вспоминая всё, что было в прошлой жизни: и противостояние с наложницей Ю после её возвращения во дворец, и неумолимое давление Старой Будды, и те бесконечные «войны», — она ещё никогда не спала так крепко, спокойно и сладко.

Она резко сел на постели, глаза её прояснились. Нет! Сейчас не время предавался приятной дремоте.

Шёл третий день её домашнего ареста.

Ей предстояло взять те «лично» переписанные Наставления для женщин и отправиться к Отцу-Императору просить о помиловании.

Она ловко соскочила с кровати, позвала Минъюэ и Цайся, чтобы умыться и переодеться, и намеренно выбрала наряд в более скромных, сдержанных тонах, а в волосы воткнула на две шпильки меньше обычного.

В Кабинете Его Величества.

Цяньлун восседал за письменным столом из розового дерева, легко постукивая пальцами по столешнице и глядя на разложенную перед ним стопку переписанных Наставлений для женщин. Край бумаги слегка закрутился от частых прикосновений.

Сяо Яньцзы стояла внизу, опустив голову, и всем телом ощущала тяжесть устремленного на нее взгляда. Цзы Вэй, стоявшая чуть позади и сбоку, тихонько сжала ее руку, призывая успокоиться.

Юн Ци и Эр Кан замерли с левой стороны, а справа... неожиданно оказался Эр Тай. Он стоял всё так же прямо, и по его осанке нельзя было сказать, что он еще не оправился от ран.

— Сяо Яньцзы, — наконец подал голос Цяньлун, и в его тоне невозможно было уловить ни гнева, ни радости. — Эти десять тетрадей Наставлений для женщин ты действительно переписала собственной рукой?

Началось. У Сяо Яньцзы сжалось сердце, но на лице тут же расцвела угодливая улыбка:

— Отцу-Императору на зависть, это я... я старательно переписывала.

Она нарочито выделила голосом слово «старательно».

Цяньлун легко фыркнул, вытянул из стопки несколько листов и развернул их перед собой:

— Тогда объясни-ка мне, почему этот лист, — он указал на тетрадь с более-менее аккуратным почерком, — и этот, — он перевел палец на другую, явно перекошенную и неразборчивую, — а также этот и этот — почему у них совершенно разный почерк и стиль?

В кабинете на мгновение воцарилась тишина.

Юн Ци с беспокойством посмотрел на Сяо Яньцзы, Эр Кан слегка нахмурил брови, а Эр Тай невозмутимо опустил ресницы.

Цзы Вэй тихонько вздохнула, собираясь вмешаться и сгладить углы, но один взгляд Цяньлуна заставил ее замолкнуть.

— Э-э... это потому что... — глазки Сяо Яньцзы забегали. — Потому что... я так устала! У меня заболело запястье, вот буквы и перестали получаться! Иногда я писала сонная, засыпая на ходу, поэтому... поэтому они и отличаются!

Чем больше она говорила, тем более безупречным казался ей этот довод, и голос ее стал громче.

Однако Цяньлун лишь усмехнулся, и от этой улыбки у Сяо Яньцзы по спине побежали мурашки.

Он медленно откинулся на спинку кресла, обвел взглядом присутствующих и, наконец, остановился на Эр Тае:

— Эр Тай.

— Я здесь, — Эр Тай сделал полшага вперед.

— Что лекарь говорит о твоей спине?

— Докладываю Императору, уже всё в порядке.

— Мм, — Цяньлун кивнул и снова перевел взгляд на Сяо Яньцзы: — Насколько я помню, за все дни твоего домашнего ареста в обители Шуфан, кроме Цзы Вэй, Минъюэ и Цайся, никто не появлялся. А почерк Минъюэ и Цайся мне знаком, и с этими... — он постучал пальцем по чужим исписанным листам, — он совершенно не совпадает.

Улыбка на лице Сяо Яньцзы застыла.

— Отец-Император... — попыталась она пустить в ход женские чары. — Ваша дочь и вправду

осознала свою вину. Посмотрите, столько иероглифов, я писала их до тех пор, пока руки чуть не отсохли, все пять пальцев готовы были отвалиться...

— Вот как? — прервал ее Цяньлун. Он впился взглядом в ее лицо, и тон его наконец стал суровым: — Сяо Яньцзы, я дал тебе шанс исправиться, а ты отвечаешь мне подобной небрежностью и обманом? Наняла других переписывать за тебя, надеясь проскользнуть мимо наказания? Вот в чем заключается твое «осознание вины»?

— Отец-Император, гневаетесь зря! — не выдержал Юн Ци. — Сяо Яньцзы просто...

— Замолчи, — холодно бросил Цяньлун. — Я еще не добрался до вас, братьев, которые помогали ей обманывать меня.

Эр Кан тут же почтительно склонил голову:

— Да проявит Император проницательность, это дело...

— В этом деле я сам разберусь.

Цяньлун поднялся с места, обошел стол и остановился прямо перед Сяо Яньцзы. Его высокая фигура отбросила тень, полностью укрыв ее.

— Сяо Яньцзы, ты теперь научилась крутить хвостом и строить из себя умницу передо мной?

— От... Отец-Император... — на этот раз в ее голосе не осталось прежнего лукавства, звучала лишь обреченная покорность. — Всё... всё это действительно не я одна переписывала.

— О? — Цяньлун приподнял бровь, ожидая, что она скажет дальше.

— Отец-Император, это всё была моя собственная идея, к остальным никто не причастен, такого... в конце концов, я просто сяду и перепишу всё заново... — Сяо Яньцзы поспешно вскинула голову.

— Император... — тихонько выдохнула Цзы Вэй, желая замолвить за нее словечко, но Император остановил ее взмахом руки.

Цяньлун смотрел на отчаянный вид Сяо Яньцзы: эта девчонка, когда лгала — сыпала промахами налево и направо, а когда нужно было взять на себя ответственность — шла напролом без малейших сомнений.

Все это время хранивший молчание Эр Тай вдруг произнес:

— Император.

И, сложив руки в поклоне, опустился на одно колено.

— Это дело никак не связано с Принцессой Хуаньчжу, это моя задумка.

— Эр Тай?! — вскричала Сяо Яньцзы.

Эр Тай не глядя на нее, спокойно продолжил:

— Я знал, что ее наказали переписыванием книг, и знал также, что... она вовсе к этому не приспособлена. Поэтому я тайком нанял нескольких простолюдинов, которые только учились писать, и попросил их помочь. Я думал лишь о том, что если наберется нужное количество листов, Император не станет вглядываться... Прошу Императора наказать меня одного...

— Эр Тай! — на этот раз, помимо Цяньлуна и евнухов, несколько голосов раздалось одновременно.

Цяньлун уставился на стоявшего на коленях Эр Тая и спустя долгое время вдруг усмехнулся:

— А ты, оказывается, честенец.

Он вернулся к столу и сел:

— Выходит, вы все до единого решили, что я выжил из ума и не способен разглядеть даже такой простейший трюк?

— Не смеем! — Эр Кан торопливо опустился рядом на колени. — Проницательность Императора не знает равных, это мы оплошали!

Юн Ци последовал их примеру и тоже встал на колени:

— Отец-Император, на мне тоже лежит вина, мне следовало вовремя остановить ее...

В одно мгновение весь Кабинет Его Величества оказался усеян коленопреклоненными фигурами.

Сяо Яньцзы переводила взгляд с одного на другого, и в ней вновь разыгрались старые, привычные уловки. Она подскочила к столу, уцепилась за рукав Цяньлуна:

— Отец-Император... Вы же больше всех любите Сяо Яньцзы, правда? Сяо Яньцзы знает, что была неправа, правда знает! Я обещаю, как только вернусь, перепису эти Наставления для женщин заново десять раз, нет, двадцать раз! Собственноручно! Никому не позволю написать ни единого иероглифа! Вы только не сердитесь, ладно? Хотите — бейте палками, сажайте под арест, заставляйте переписывать хоть горы книг — только их не наказывайте!

Приговаривая это, она раскачивала его руку, слезы мгновенно навернулись на глазах, застыв на ресницах капельками, готовыми сорваться в любой момент.

— Отец-Император, не гневайтесь так, что же вы делаете, если из-за гнева пострадает ваше здоровье, Сяо Яньцзы ведь места себе не найдет от боли...

В сочетании с этим жалостливым выражением лица устоять перед ней не смог бы никто.

У Цяньлуна от ее раскачиваний закружилась голова, а от непрерывного щебетания затылок запульсировал от боли. Остатки гнева окончательно испарились, сменившись беспомощным вздохом.

Он выдернул рукав:

— Ладно, ладно, на кого ты стала похожа.

Услышав этот тон, Сяо Яньцзы сразу поняла, что дело приняло благоприятный оборот, и поспешила развить успех:

— Так Отец-Император больше не сердится?

Цяньлун поднял глаза и одарил Сяо Яньцзы уничтожающим взглядом:

— Стоило заставить тебя переписать что-то десять раз, как ты подняла вой, будто у тебя отбирают жизнь. К тому же теперь за тебя просит целая толпа «сообщников», выгораживают тебя... Ах, Сяо Яньцзы, Сяо Яньцзы, хорошему ты не учишься, а вот дурному мигом научила всю эту компанию.

— Хей-хей-хей... — Сяо Яньцзы озорно высунула язык. — Разве не потому, что Отец-Император так сильно любит Сяо Яньцзы? Как говорит Цзы Вэй, у Отца-Императора такое широкое сердце, в его великом животе даже лодка поместится...

Все присутствующие лишь молча уткнулись взглядами в пол: опять, опять она принялась изобретать собственные крылатые выражения.

— Ха-ха-ха, в моем животе лодки не помещаются.

Цяньлун с нежностью поднял руку и щелкнул Сяо Яньцзы по лбу:

— Ах ты, ласточка... Ну ладно, ладно. Принимая во внимание то, что ты всё же раскаялась, на этот раз мы закроем на всё глаза.

— Спасибо, Отец-Император! Отец-Император, я вас просто обожаю!

Сяо Яньцзы в восторге обвила руками шею Цяньлуна. Она и впрямь всем сердцем любила этого Отца-Императора, который так опекал и баловал ее.

Все стоявшие внизу разом выдохнули.

Выйдя из Кабинета Его Величества, Юн Ци шел впереди, и его спина была прямой до неестественности. Эр Кан поддерживал прихрамывающего Эр Тая посередине, братья о чем-то тихо переговаривались, а Цзы Вэй поддерживала под руку Сяо Яньцзы, шепча:

— Напугал же нас до смерти...

Сяо Яньцзы виновато усмехнулась:

— Всё равно спасибо вам, хей-хей-хей...

Эр Кан поддразнил ее:

— Каждый раз рядом с Сяо Яньцзы сердце выпрыгивает из груди. От таких приключений у нас скоро храбрости прибавится сверх всякой меры, особенно у Эр Тая — додумался же пойти на обман самого Императора!

Эр Тай с улыбкой покачал головой:

— Это я недодумал.

— Нет-нет-нет, — Сяо Яньцзы покачала головой, на этот раз говоря совершенно серьезно. — Я знаю, что ты хотел как лучше... Но эта вещь действительно страшнее смертной казни... Уж лучше бы императрица отходила меня палками, и то меньше боли...

Все беспомощно покачали головами.

Вернувшись в обитель Шуфан, Цзиньсо, Миньюэ и Цайся подали чай со сладостями и тут же удалились.

— У меня есть разговор к вам, — Сяо Яньцзы обхватила чашку обеими руками, а ее взгляд затуманился от поднимавшегося от чая пара. — Мне в последнее время... всё снится один и тот же кошмар.

— Кошмар? — удивился Эр Кан, а Юн Ци и Эр Тай тут же устремили взгляды на Сяо Яньцзы.

— Мне снится... будто совсем скоро Отец-Император берет нас в загородную поездку, и в дороге на нас нападают убийцы. И тогда Цзы Вэй, пытаюсь защитить Отца-Императора, принимает удар на себя, истекая кровью... — голос ее задрожал, а пальцы принялись нервно теревить край одежды. — Вы, наверное, скажете, что это просто сон, но он снится мне не единожды! Каждую ночь, в течение последних нескольких дней, я вижу одно и то же, и помню каждую деталь. Разве это нормально?..

Ее страх был настолько осязаемым, что передался каждому в комнате.

Юн Ци нахмурился:

— Сны рождаются в сердце. Может, ты испугалась того наказания, что назначила императрица, вот тебе и...

— Нет... — оборвала его Сяо Яньцзы, и в ее глазах проступило редкое упорство. — Я знаю, вы думаете, что я поднимаю шум из ничего, но этот сон... он похож на предзнаменование. Мы должны подготовиться, как там говорится, готовиться к...

— Предупредить беду заблаговременно, — подсказала Цзы Вэй.

— Во-во-во, предотвратить заранее! — закивала Сяо Яньцзы.

Эр Кан задумался:

— И что же ты предлагаешь?..

— Я хочу научиться боевым искусствам, — выпалила Сяо Яньцзы. — Если этот сон правдив... если вдруг случится беда, я не хочу, стоя в стороне, беспомощно смотреть на всё, как во сне!

С этими словами ее взгляд сам собой скользнул в сторону Эр Тая. Та спина, что без колебаний заслонила ее от удара, те молчаливые проявления защиты — всё это укрепило ее в принятом решении: она тоже должна обрести силу, чтобы защищать других.

— Поэтому, — глубоко вздохнув, произнесла Сяо Яньцзы, — я хочу попросить кого-нибудь обучить меня ушу.

Как только слова затихли, в комнате снова повисло молчание.

Эр Кан заговорил первым:

— То, что ты горишь таким желанием — похвально. Но боевые искусства не освоить за один день, это требует упорства и немалых лишений. — Он посмотрел на нее мягко, но серьезно. — Ты хорошо подумала?

Сяо Яньцзы изо всех сил закивала:

— Какими бы трудными ни были лишения, я ничего не боюсь!

— Тогда... — Эр Кан задал следующий вопрос: — И кого ты бы хотела видеть своим учителем?

Стоило этому вопросу прозвучать, как атмосфера мгновенно стала щекотливой.

Взгляд Сяо Яньцзы скользнул по Эр Таю — у него всё еще болела спина; по Эр Кану — как командиру императорских телохранителей, ему вечно не хватало времени; по Юн Ци — она только что отказала ему в чувствах и пока не знала, как он к этому относится... Она поспешно отвела глаза, крепко сжав пальцы.

— Я... — ее голос упал почти до шепота. — Я в тот день пошла в манеж к Эр Тайю так рано именно потому, что хотела попросить его обучить меня...

Эр Тай поднял на нее глаза, и в них мелькнуло удивление.

— Но у тебя же рана еще не зажила, — затараторила Сяо Яньцзы, словно пытаясь оправдаться. — А вы с Юн Ци вечно заняты...

Эр Кан лукаво окинул всех взглядом и откашлялся:

— Вообще-то... если вы не против, я мог бы...

— Старший брат, — внезапно ровным голосом произнес Эр Тай. — У тебя со временем действительно сложно. Хотя у меня повреждена спина, подсказать основы движений и показать стойки я вполне смогу без ущерба для себя.

Все перевели на него взгляд, а Эр Тай смущенно кашлянул.

Глаза Сяо Яньцзы постепенно засияли:

— А твоя рана?..

— Пустяки, — небрежно бросил Эр Тай. — Я буду только объяснять и показывать, применять силу мне не нужно.

Юн Ци вдруг с грохотом опустил пиалу на стол; фарфор звонко стукнулся о дерево. На его лице больше не читалось никаких эмоций, он лишь сухо бросил:

— Раз наставником будет Эр Тай, то кто же станет демонстрировать приемы и проводить практические занятия?

От этих слов повеяло прохладой и отчуждением.

Все снова оказались в тупике.

Вдруг Сяо Яньцзы вскочила на ноги и хлопнула себя по лбу:

— Сай Вэй! Сай Гуан! Я же могу пойти к императрице! И попросить ее одолжить мне Сай Вэя и Сай Гуана...

— Это еще как?!

— Разве такое возможно? Сай Вэй и Сай Гуан охраняют саму императрицу, неужели она согласится? — испуганно протянула Цзы Вэй.

— Согласится, еще как согласится, стоит мне только снова включить дурочку и поупрямиться.

Эр Кан тут же воспользовался моментом, чтобы сгладить углы:

— Раз так, решено. Мы все вместе пойдем к императрице просить, чтобы она одолжила нам Сай Вэя и Сай Гуана. Эр Тай, ты сможешь обговорить с ними план занятий: какие понадобятся вещи, сколько людей — в общем, скажешь обо всем, что нужно.

— Хорошо! — дружно отозвались остальные.

Юн Ци, глядя на ожившую Сяо Яньцзы, подумал о том, что некоторые вещи можно отпустить лишь для того, чтобы они существовали в ином качестве:

— Если возникнут какие-то трудности, тоже можешь обращаться ко мне. Как-никак... ты моя самая близкая младшая сестра.

Услышав это, Сяо Яньцзы незаметно выдохнула с облегчением и улыбнулась:

— Ладно-ладно, как здорово!

На следующий день во Дворце Куньнин.

— Госпожа, Принцесса Хуаньчжу вместе с Пятым принцем, старшим господином Фу и вторым господином Фу пришли сюда... — тихо доложила Няня Жун, склонившись к уху императрицы.

Императрица прервала чаепитие. Стоило услышать о Принцессе Хуаньчжу, как в памяти всплыл ее недавний капризный вид, и в груди зародилась рябь.

— О? С нее уже сняли домашний арест?

— Да. Желает ли госпожа принять их?

— Пусть войдут.

Императрица поправила воротник наряда и чинно воссела на главном месте.

Все вошли во Дворец Куньнин и дружно поприветствовали хозяйку. Императрица опустила чашку на столик и невозмутимо обвела их взглядом:

— Поднимайтесь. Каким ветром вас всех занесло ко мне?

Сяо Яньцзы шагнула вперед и по всем правилам отвесила поклон:

— Императрица-Мать, ваша дочь пришла с одной просьбой.

— О? — брови императрицы чуть приподнялись. — И что же это за просьба?

— Дочь хочет обучиться некоторым приемам самозащиты — не только чтобы уметь постоять за себя, но и чтобы в критический момент оказаться полезной. Поэтому... поэтому я хочу умолять императрицу-мать одолжить мне двух стражников, Сай Вэя и Сай Гуана, чтобы они обучили меня боевым искусствам.

Сяо Яньцзы подняла глаза, в которых читалась искренняя мольба.

Выслушав ее до конца, императрица медленно произнесла:

— Во дворец свои законы. Чтобы принцесса занималась боевыми искусствами — неслыханное дело. К тому же дворец полон императорских телохранителей, зачем хрупкой девушке забивать себе голову подобными глупостями?

— Императрица-Мать, — неожиданно подал голос Юн Ци, склонившись в поклоне. — Я считаю, что раз у Сяо Яньцзы возникло такое стремление, это поистине заслуживает похвалы. Сай Вэй и Сай Гуан искусны в боевых искусствах, и если они наставят Сяо Яньцзы хоть в чем-то, в ключевой момент это действительно может сослужить службу.

Эр Кан тоже сделал шаг вперед:

— Императрица-Мать, ваш покорный слуга, будучи командиром дворцовой стражи, как никто понимает всю тяжесть ответственности за охрану. Если Принцесса Хуаньчжу овладеет базовыми приемами самозащиты, это пойдет на пользу безопасности всего императорского кортежа.

Эр Тай также почтительно склонился:

— Императрица-Мать, у Принцессы Хуаньчжу благородные помыслы — она хочет защитить вас. В глубинах дворца полагаться лишь на стражу издалека недостаточно, порой внезапная чрезвычайная ситуация требует немедленных действий.

Императрица пренебрежительно махнула рукой:

— Сяо Яньцзы, вместо того чтобы тешить себя подобными мыслями, лучше бы как следует подучила дворцовый этикет. По моим соображениям, со дня на день Старая Будда вернется с молитв, и если ты останешься такой же легкомысленной и взбалмошной, боюсь, тебе снова придется несладко. Старая Будда — не я, с ней так легко не отделаешься.

Сяо Яньцзы прикусила губу, понимая, что прямыми уговорами здесь вряд ли чего добьешься.

Ее глаза хитро блеснули, и она вдруг шумно опустилась на колени.

Сяо Яньцзы поняла, что уговорами императрицу не пронять, и ей пришлось снова пустить в ход свое «бесстыдство».

В прошлой жизни императрица и Няня Жун вечно нападали на нее, но по большей части потому, что она сама не умела выражать свои мысли, да еще и постоянно задевала их, бросая вызов авторитету старших — оттого императрица и шла с ней на открытый конфликт. Но теперь, после того как ее душа столько времени скиталась в бесплотных просторах, она видела, как императрица и Няня Жун плакали, узнав о ее гибели; видела, как императрица позже спорила с Отцу-Императором, срезала свои волосы и с тех пор коротала дни перед тусклым пламенем лампад и ликом Будды, поминая ее в молитвах...

Ее глаза хитро блеснули, и она внезапно рухнула на колени со звучным шлепком.

— Императрица-Мать — у-у-у-у! — Сяо Яньцзы подняла голову, и ее веки покраснели в мгновение ока. — Ваша дочь знает, что раньше была неразумной и вечно звала вас на расправу. Но на этот раз я говорю абсолютно серьезно! Вы не знаете, мне каждую ночь снятся кошмары, снится... снится полно-повно разбойников, полно-повно крови...

Приговаривая это, она орошала пол слезами, сопли и слёзы перемешались на лице, потеряв всякое подобие приличия, изо всех сил стараясь припомнить эти ужасающие картины:

— Во сне ваша дочь ничего не может сделать, только смотрит... Просыпаюсь вся в холодном потом. Императрица-Мать, мне страшно, мне страшно, что все это станет явью...

Она рыдала так искренне и горько, что брови императрицы слегка нахмурились. Няня Жун поспешно протянула платок, Сяо Яньцзы бегло вытерла им лицо и продолжила всхлипывать:

— Ваша дочь знает, что императрица-Мать добра ко мне, хоть вы всегда и держитесь сурово, но я помню, как во время моего ареста вы велели прислать вкуснейших сладостей... Императрица-Мать, ну уважьте мою просьбу! Клянусь, я буду старательно учиться, ни за что не стану лениться! А когда освою всё — первой защищу императрицу-мать!

От этой последней фразы уголки губ императрицы чуть заметно дрогнули.

Юн Ци и остальные смотрели на это мастерство мгновенного плача с долей жалости и немалым весельем.

Эр Тай опустил глаза, пряча улыбку — эта девчонка всегда умела добиваться своего самыми непредсказуемыми путями.

От ее рыданий у императрицы разболелась голова, она потерла висок:

— Хватит, полно выть, на кого ты похожа. Поднимись и говори как положено.

— Не встану, не встану! Пока императрица-Мать не согласится, ни за что не встану!

Сяо Яньцзы решила идти до конца и вдобавок намертво вцепилась в подол платья императрицы:

— Я же знаю, что у императрица-Мать самое мягкое сердце, что вы больше всех любите Сяо Яньцзы! Ну согласитесь же! Умоляю вас, императрица-Мать — у-у-у!

Причитая, она раскачивалась из стороны в сторону, размазывая слезы и сопли по изысканной шелковой ткани парадного платья императрицы.

У Няни Жун от такого зрелища задергалось веко — ей хотелось оттащить девчонку, но не хватало духу.

Измученная этим представлением императрица тяжело вздохнула:

— Встань же наконец.

— Не встану-не встану! Пока императрица-Мать не даст слово, не встану!

— Ах ты... — императрица смотрела на эту писклявую прилипалу, стоящую на коленях. Будь ее младшая дочь, умершая во младенчестве, жива — она была бы ровесницей Сяо Яньцзы, быть может, тоже так же цеплялась бы за ее одежды, капризничая и балуясь...

Самое уязвимое место в ее сердце было задето.

Императрица закрыла глаза, а когда открыла их вновь, тон ее смягчился:

— Ладно, так и быть, я согласна. Поднимайся, что за манеры.

Сяо Яньцзы оборвала рыдания на полуслове и подняла лицо, перемазанное слезами и тушью:

— Правда?

— Правда, правда, — с досадой выдохнула императрица. — Но...

Она обвела взглядом всю компанию:

— Раз вы все явились сюда гурьбой, значит, одобряете эту затею. Тогда пусть Юн Ци, Эр Кан и Эр Тай помогают ей на тренировках, да смотрите, чтобы она зря не буянила.

— О, спасибо, императрица-Мать, вы — самая лучшая мать на свете!

<http://bllate.org/book/22027/2290104>